

Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в.

Ю. А. Зуев

// Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы — М.: 1998. С. 153-161.

Древнетюркская социальная терминология не раз была предметом научного анализа. Материалом при этом были как тексты древнетюркских рунических надписей, так и документы на других языках. Основной её круг, относящийся, главным образом, ко времени Второго Тюркского каганата (682-745 гг.), сейчас известен. Но значительная её часть, содержащаяся в ранних китайских материалах, несмотря на имеющиеся серьёзные раз-

(153/154)

работки, обследована недостаточно, а подчас и не выявлена. Сейчас существует уже традиция реконструкции собственно древнетюркской лексики в китайской транскрипции, но накопление опыта в этом направлении затрудняется тем, что, как общее правило, отсутствует её китайский перевод. С этой точки зрения выгодное место среди других источников занимает фрагмент «о чинах и званиях» у ранних тюрков. Он включён в 197 главу-цзюань исторической энциклопедии Ду Ю «Тун дянь» (Свод общих установлений государственного управления), 194 главу историко-географического труда Юэ Ши «Тай-пин хуаньюй цзи» (Описание мира, составленное в период Тай-пин син-го, 976-983 гг.), а также в 962 главу написанной в 1005-1013 гг. более обширной энциклопедии «Цэ фу юань гуй» (Изначальная черепаха императорской библиотеки). В составе «Сборника материалов по истории туцзюе-тюрков» он опубликован Цэнь Чжунмянем в 1958 г. (Цэнь Чжунмянь, 1958, с. 529, 577, 578). В том же году западногерманский учёный Лю Мао-цай сделал его немецкий перевод (Liu Mau-Tsai, 1958). Состав представленных в нём терминов с трудом поддаётся истолкованию: предпринятая еще в 1899 г. Ф. Хиртом попытка его реконструкции не удалась (Hirth F., 1899). Своеобразие текста, в котором «названия различных вещей были даны в качестве титулов, функции которых не очень ясны», отметил недавно М.Р. Дромп, посвятивший исследование институту каганства у древних тюрков (Drompp M.R., 1989, P. 24).

С первых шагов государственной истории тюркское общество было строго ранжировано. Место и политический вес члена общества во многом определялись его титулом, нередко наследственным, закреплявшим положение его носителя в системе социальных связей и соподчинений. Публикуемый текст невелик по объёму, но достаточно информативен, чтобы пролить свет на эту сторону раннетюркской истории. Текст древний. Первая строка фрагмента начинается словами: «При их (тюрков) начале в государстве было от знатных до низших всего десять степеней...», что ясно указывает на события середины VI в., когда был создан Первый Тюркский каганат (впоследствии, как замечает Ду Ю, их стало двадцать восемь). Транскрипция титулов сопровождается их китайским переводом и характеристикой их социальной функции, чем, несмотря на явные текстологические дефекты, вызванные недоброкачеством оригинала или ошибками при его переписке, обеспечивается определённая точность в установлении древнетюркских соответствий. Для выяснения китайско-тюркских терминологических соответствий было использовано исследование Б. Карлгрена по исторической фонетике китайского языка (Kjergren B. 1957). Иероглифы, встречающиеся в исследовании, приведены с соответствующим ходом изложения порядковым номером в иероглифическом указателе (сокращенно ИУ) в конце статьи. Для удобства изложения характеристика каждого титула помещена под порядковым номером в переводе и комментарии.

Перевод

При их (тюрков) начале в государстве было от знатных до низших чинов и званий всего десять степеней; давались или по внешнему облику, или по цвету лица, бороде и волосам, или по вину-мясу, или по названиям животных тварей.

1. У них отважного и крепкого называют ши-бо-ло (а), иначе зовут ин-хэ-фу (б).

2. Что до жирного и толстого, то называют его да-ло-[бянь] (а). Да-ло-бянь значит винный сосуд, похожий на треножник-цзюе, так же толст и низок. Из-за сходства телом и очертаниями взято проименованием. Этот чин особо почитаем; только его (кагана) сыновья и младшие братья бывают ими.

3. Ещё. Старцев называют гэ-ли, отчего бывают гэ-ли да-гуань (б).

5. Коня называют хэ-лань (а), поэтому бывают хэ-лань су-ни (б) и цзюе су-ни (в) — это чины управляющих войсками.

5. Чёрный цвет называют кэ-ло (а), поэтому бывают кэ-ло чо (б); чин очень высокий, лишь в преклонных годах становятся ими.

6. Бороду называют со-гэ (а), и потому бывают со-гэ ту-тунь (б); этот подобен управляющему областью.

7. Вино называют фу-ни (а); фу-ни жэ-хань (б) следят за соблюдением законности и очерёдности (при подношении вин).

8. Мясо называют ань-чань (а), поэтому бывают ань-чань цзюй-ни (б); они управляют делами [каганского] Дома, это подобно должности при династии.

9. Иногда учреждают фу-линь каганов; [фу]-линь суть название волка. Из-за их алчности и склонности к убийствам дают такое проименование.

10. Бывают также каганы достоинством ниже е-ху (а); ещё бывает, что [предводители] больших племён, проживающих в государстве, называют друг друга и-каган. Тюрки дом называют и (б); это значит каган дома.

Комментарии

1(а). Транскрипция [ИУ 1] ши-бо-ло (< SÍ-PUÂ-LÂ) соответствует *ŠĪBARA/ĪSBARA (скр. ÍSVARA) — (Pelliot P. 1929, P. 211); ср. *среднеперс.* AŠPARA. Титул ышбара известен по древнетюркским надписям (Древнетюркский... 1969, с. 220; Цзэнь Чжунмянь, 1958, с. 899). Термин *ысбар* в значении «свирепый» сохранялся в уйгурской титулатуре монгольской эпохи (Позднеев Д. 1899, с. 144).

(б) Написание ин-хэ-фу ошибочно; следует, как в «Изначальной черепахе», [ИУ 2] мо-хэ-фу (< MÂK-γÂ-PIUT < *BAHAPUR~BAHPUR). Термин восходит к согд. βγPUR «сын Неба» — из парфянского (Смирнова О.И. 1963, с. 42). В свою очередь, как полагал Х. Шелер, слово BAHAPUR «сын Бога» (GOTTESSOHN) пришло в среднеперсидский язык из языка «истинных тохаров», каковыми были юэчжи (Schaefer H.H. 1938, S. 593-599). Кроме древних тюрков, титул мохэфу отмечен у киданей, шивэй-татар и сяньбийцев-улохоу (Liu Mau-Tsai 1958, B. II, S. 565).

2. Начало фразы даётся по тексту «Описания мира»: «Что же до жирного и толстого, то называют его да-ло-[бянь]». В других версиях послеглагольное местоимение **чжи** «его» (в сочетании вэй чжи «называют его») ошибочно заменено очень сходным при написании знаком **сань** «три», который воспринимается как начало транскрипции: «...называют Сань-да-ло», как это сделал Лю Маоцай («...der Dicke wurde san-ta-lo benannt»). По мнению М. Левицкого, транскрипция [ИУ 3] да-ло-бянь (< DE-LÂ-PIÂN) соответствует титулу *тербин* Махмуда Кашгарского (Махмуд Кошгарий 1966, с. 408) и черби [н] монгольской эпохи (Lewicki M. 1949, P. 211). В «Тайной истории монголов» один из носителей титула черби носит тюркское имя Толун — «Полный» (Poucha P. 1956, S. 52, 11). Персидский автор Джузджани (род. 1193 г.) сообщал в «Насыровых разрядах», что Тамурчы, тюрк, возглавлявший монгольское войско при взятии Отрара в феврале 1220 г., имел титул черби (в рукописи, которой пользовался Рэверти, JAZBI): «а это слово на языке моголов значит хаджиб — “правитель царского двора”» (Jurjani, 1976, P.

978, 979). Китайский историк Хань Жулинь, полагая, что главным в характеристике слова да-ло-бянь является представление о **вине**, соотносит его с *монг.* DARASU(N) «сладкое вино из плодов или зерна». К сходному мнению склоняется М.Р. Дромп, отмечая при этом, что данный титул был заимствован тюрками «из иной этнической среды» (Drompp R. 1989, P. 111, 112). Ср. *хот.-сакск., иран.* TCARBA, *согд.* CRP «жирный».

Имя-титул Да-ло-бянь носил сын Мухан-кагана, получивший в управление один из улусов государства под именем Апа-каган. Он не имел права наследования центрального престола, так как его мать была «низкого происхождения». Таковым считалось любое, кроме катунского. Тем не менее, в 581 г. Да-ло-бянь, владения которого простирались от Золотых гор (Монгольский Алтай) до Утукена (Хангайское нагорье), принял активное участие в борьбе за великий престол и стал один из инициаторов «великой смуты». Л.Н. Гумилёв считает, что имени Да-ло-бянь соответствует Торэмэн, «восстановленное из *кит.* Далобянь и *греч.* Турум» (Гумилёв Л.Н. 1967, с. 58). Реконструкция несостоятельна. Упомянутый Симокатта тюркский правитель Турум — это каган Дулань (< T'UO-LÂM < *TORUM) китайских летописей. Он легитимно получил великий престол в четвёртой луне 7 года периода Кай-хуан (587 г.) (Вэй Чжэн, 1958, с. 161 (л. 236)).

3(а). Среднекитайское обозначение [ИУ 4] гэ-ли (< KÂ-LJI) восходит к древнетюркскому QARY «старый», «старец», «старейшина». Носителем звания *кары* в 617 г., когда «в Поднебесной наступил хаос», был танский военачальник Чжан Чансунь. «Примкнув к туцзюе-тюркам, он был удостоен звания Кары-тегин» [ИУ 5: гэ-ли < *K'ÂT-LJI < *QARY] (Лю Сюй 1958, с. 902 (л. 26)). С вероятием можно считать, что оно присутствует в имени-титуле западнотюркского ставленника в «тохарском» княжестве Куча, местного владетеля *Хары-беш-шадапыта (*кит.* Хэли-бушиби) (Лю Сюй, 1958, с. 902 (л. 26)). В киданьское время был известен уйгурский сановник *Кары-оге (*кит.* Коли-юйюе) (Тото 1958, с. 33 (л. 66)).

3(б). Транскрипция [ИУ 6] гэ-ли да-гуань (< K'Â-LJI D'AT-KUAN) восходит к *др.-тюрк.* (155/156)

QARY TARQWAN. Форма TARQWAN соответствует *согд.* TARKHWAN древнейшей Бугутской надписи и *др.-тюрк.* TARQAN. Слово таркан на тюркской языковой почве не этимологизируется, неясна и социальная функциональность данного термина. В.И. Абаев признаёт за ним скифское происхождение (< TARK-ANA-) и пишет: «Из скифского (аланского) идут *тюрк.* TARXAN почетное звание (первоначально судья?), *мою.* DARXAN, *венг.* TARCHAN “OLIM JUDEX”...» (Абаев В.И., 1965, с. 19).

4. Выражение «Коня называют [ИУ 7] хэ-лань» (< HA-LAN) повторено в «Изначальной черепахе» в том же значении, оно уточнено вариантом в сочинении танского географа Ли Цифу: «Пегего [коня] называют хэ-лань» (Ли Цифу, 1957, гл.4). Прототюркская форма *HALAN проанализирована в ряде работ (Зуев Ю.А. 1962, с. 106-108), она соответствует позднему тюрк. ала «пёстрый», «пегий». В другом месте своего труда Ду Ю замечает: «Пегих лошадей тюрки называют [ИУ 8] хэ-ла» (< HAT-LAT < *HALAT~ALAT~*ALA-AT «пегая лошадь»). Недостаточно квалифицированный анализ известий о вариантах транскрипции термина ала произведён в работе А.Г. Малявкина. К числу их он относит, например, [ИУ 9] хэ-ла (< HÂ-LÂP), которая в действительности отражает социально-ранговый термин *ат* «герой», «геройский» в составе титула басмылского предводителя Хэла-пицзя-кэхань (Алп-бильге-каган) (Малявкин А.Г. с. 324, 325). Известное ещё с IV столетия прототюркское слово *HALAN (Bazin L. 1950, P. 291) сохранялось в этой архаичной форме и в период каганатов в качестве нарицательного обозначения боевого коня вообще. В пользу такой трактовки говорит наличие званий (4 б) *HALAN-SÛNI (*кит.* су-нн < SUO-NJI; *др.-тюрк.* SUN,I «копьё») и (4 в) *KÛL-SÛN,I (*кит.* цюэ суни < K'IWAT SUO-NJI). Вероятно, речь идёт о древнетюркской панцирной коннице. В наскальных изображениях Верхнего Енисея тюркский конный латник выглядит так: «...Тяжеловооружённый всадник, одетый в пластинчатую броню от шеи до бедра, с руками до середины предплечья, с круглым щитком на груди, с мечом и колчаном у пояса и с боевой гирей в правой руке направляет копьё, украшенное небольшим флажком, на лучника, стреляющего с колена...» (Гумилёв Л.Н. 1967, с.69; Нестеров С.П. с. 27, 28).

5. В «Своде общих установлений» переписчик под влиянием предшествующей транскрипции да-ло-бянь (см. выше 2а) внёс последний иероглиф (бянь) в обозначение чёрного цвета у тюрков: «Чёрный цвет они называют кэ-ло-[бянь; ИУ 10]». В тексте «Изначальной черепахи» вместо него стоит

повествовательный иероглиф [ИУ 11] фу «снова», «опять», не входящий в состав транскрипции. Поэтому строка читается: «Чёрный цвет они называют кэ-ло (< K'Â-LÂ < QARA) и опять по той же причине у них бывают [ИУ 12] кэ-ло чо (< TSÜÄR < ÇÖR), чин очень высокий, лишь в преклонных годах бывают ими» (перевод Лю Маоцзя: «"Schwarz" hiess k'o-lo-pien. darum gab es den Titel k'o-lo-tscho, der einera sehr bestagten verliehen wurde»). С точки зрения обычного восприятия почитаемый человек преклонных лет в тюркском обществе считается седым и белым (ср. *ак сакал* «белая борода», «предводитель рода» и под.), но не чёрным. В текстах древнетюркских рунических надписей Таласской долины (Т8, Т10) Кара-чор обозначен как наставник возрастной консорции дружина-тридцать (отуз-оглан). Согласно сочинению Наршахи, Кара-чор, сын тюрка, был предводителем в Таласе (Смирнова О.И. 1981, с. 32). В системе дуального соправления каган «император» — катун «императрица» в Западнотюркском и затем в Тюркешском каганатах Талас с прилегающей к нему областью, включая правобережье Сырдарьи, считался резиденцией катун и местожительством племён катунской фратрии. Катун считалась воплощением божества Луны и Ночи (Кара). Вся группа племён, входивших в юрисдикцию катунской фратрии, обозначалась эпитетом кара (*кит.* хэй син «чёрные фамилии», каратюргеши). В форме [ИУ 13] гэ-ло (кара) данный термин входил в состав титула тюркешского старейшины в 708 г. (Цэ фу юань гуй, гл. 974, с. 11443 (л. 14б). Возрастная консорция мальчиков/юношей до совершения обряда инициации (посвящения в мужи-воины) находилась под опекой катунской фратрии, которая и делегировала в неё наставника из собственной среды, чем как раз и можно объяснить существование титула кара-чор.

6(а). Транскрипция [ИУ 14] со-гэ (< SÂK-KÂT) определенно восходит к *тюрк.* SAQAL «борода», поэтому зарегистрированное в тексте Ду Ю обозначение [ИУ 15] фа «волосы» необходимо считать ошибкой вместо

(156/157)

сходного по начертанию [16] ху «борода», что и отражено в предлагаемом переводе. Другим транскрипционным вариантом термина сакал является [ИУ 17] со-гэ. Сакал-каган (706-716 гг.) был старшим сыном тюркешского кагана «Предводителя дружины-сотни» *Йузлика (*кит.* Учжилэ) (Оуян Сю, 1958, с. 1508 (л. 8б). При этом Сакал-каган и сам был в ранге "предводителя дружины-сотни", йузлика. Это явствует из сообщения, что в 708 г. (т.е. через два года после смерти основателя династии Йузлика) Бешбалык подвергся совместному нападению отрядов Восточнотюркского кагана Мочжо (Капаган-каган) и тюркешского Учжилэ (Йузлик) (Цзэнь Чжунмянь, 1958, т. 1, с. 369), которым мог быть только сын и преемник основателя государства *Йузлика, Сакал-каган, Йузлик. Связь первых тюркешских династов с институтом «дружины-сотни» подтверждается их скифским эквивалентным обозначением сада (*кит.* ша-то < ŠA-D'A) в сообщении сунского писателя Чжэн Цяо: «Шато (Сада) это предводители тюркешей из числа иноземцев на Северо-Западе» (Чжэн Цяо, гл. 29, л. 13а). В скифском языке слово сада/сата значило «сотня», «сотник» (Абаев В.И. 1979, с. 302).

6(б). «"Дружина-сотня" мужей-воинов» всегда располагалась за пределами коренного юрта, и одной из главных её обязанностей по обретении воинского возраста была охрана его границ. Поэтому логичен и приведённый в документе титул [ИУ 18] сакал-тудун (*кит.* гу-тунь < T'UO-D'UEN < TUDUN); два знака последней транскрипции соответственно значат: 1) «отбросить»; 2) «собрать военным поселением для укрепления границы».

7(а). В форме [ИУ 19] фу-ни (< BUEK-NI < *BEKNI/BEGNI) здесь зарегистрировано важное историко-культурное слово бекни «вино». В «Диване» Махмуда Кашгарского для него дается значение «хмельной напиток из проса или ячменя», «буза», «брага» (Махмуд Кошгарий 1960, с. 408). Возможно, самое первое его упоминание в китайском источнике относится к началу I в. до н.э. Сообщается, в частности, что в благодарность за некую услугу младший брат сюннуского правителя-шаньюя пожаловал жившему на берегу Северного моря (оз. Байкал) племенному китайцу Су У «коня, фу-ни и шатер-цзюнлу». Слово [ИУ 20] фу-ни (< B'IUК-NIEK) воспринималось в ханьское время как сюннуское и не было известно в Китае. Один из ранних комментаторов «Истории династии Хань» Мэн Кан считал, что оно означало пузатый глиняный сосуд с небольшим горлом и квадратным дном, служивший для хранения вина и кислого молока (Бань Гу 1958, с. 679 (л. 18б); Таскин В.С. 1973, с. 104, 156). Слово бекни/бегни сопоставимо с *согд.* BHNI «хмельной напиток», *хорезм* BAKANIN «пиво», «буза», *перс.* BAGNI «напиток из проса или ячменя» (Абаев В.И. 1958, т. 1, с. 245).

7(б). Видимо, переписчик исследуемого списка не знал тюркского языка и ошибочно включил в название самого вина титул [ИУ 21] жэ-хань (< NĪET-HAN < JARHAN) — йарган «приказывающий», «предписывающий», «распоряжающийся». Термин йарган известен и в другой китайской записи — [ИУ 22] жэ-хань в составе титула йарган-тегин (жэ-хань тэ-цин), данного одному из согдийских таркуанов на службе восточно-тюркского двора (Цэн Чжунмянь 1958, т. 1, с. 110, 112). Сочетание бекни-йарган достаточно полно разъяснено в китайском тексте; к нему можно было бы добавить значение «виночерпий». Некоторое представление о функциях виночерпия можно получить при сравнении этого известия с ритуалом подношения кумыса при дворе узбекских ханов по его описанию в труде балхского учёного-энциклопедиста Махмуда ибн Вели (XVII в.). Собрание располагалось по жёсткой ранжировке и делилось на два крыла, левое и правое. Расположение чинов на этом собрании повторяло систему социальной стратификации иерархических взаимозависимостей в обществе и государстве. Соответствующим образом производилось и подношение напитка. Любое отступление от «неисчислимых правил и условий приёма напитка» строго наказывалось. «Такой порядок соблюдается до конца собрания; они считают долгом избегать всего того, что в глазах благородных людей походит на легкомыслие и невыдержанность. Если кем-нибудь без уважительной причины будет нарушено правило приличия, то виноватого отводят к месту у дверей, где гости оставляют верхнюю обувь; он выпивает двенадцать больших чарок из рук виночерпия и сам подаёт виночерпию “кубок извинения”, после чего его подвергают упрёкам и выговорам; право суда и расправы над ним принадлежит виночерпию, и виноватый может быть подвергнут всяким наказаниям, кроме смертной казни» (Бартольд В.В. 1964, с. 398).

(157/158)

8(а). В графической версии «Тун дьянь» малопонятной остаётся фраза: «Мясо называют ань-чань, поэтому бывают ань-чань цзюй-ни; они управляют делами [каганского] дома, это подобно должности при династии». Написание [ИУ 23] корректируется формой [ИУ 24] ань-дань «Изначальной черепахи». В знаке [ИУ 25] жоу «мясо» также усматривается искажение, и, в соответствии с контекстом характеристики, его следует реконструировать сходным по написанию знаком [ИУ 26] нэй «императорский двор». Тогда транскрипция ань-дань (AN-TAN) без затруднения сближается со словом типа перс. HANEDAN/ HANDAN — хандан «фамильный дом», «династия», пришедшего в тюркскую среду, повидимому, через согдийский и отмеченного только в анализируемом фрагменте. В таком случае фраза читается: «Императорский (каганский) двор называют ань-дань, поэтому бывают ань-дань цзюй-ни; они управляют делами [каганского] Дома, это подобно должности при династии». В древнетюркских рунических памятниках времени Второго каганата слову хандан соответствует эб «дом» в смысле «двор династийных кок-тюрков». Во время крупных военных предприятий боеспособное мужское население покидало эб (куда входила и ставка-орду). В нем оставались катун-императрица, следующие за ней по рангу супруги кагана, старшие родственницы, невестки и наложницы (Ктб, 48).

8(б). Транскрипция [ИУ 27] цзюй-ни (Q'IU-NIEI) восходит к *тюрк.* *KÜNI (KÜN «фамилия», «род», «люди») (Щербак А.М. 1959, с. 68), поэтому сочетание *HANDAN-KÜNI воспринимается в значении «род ханского двора».

9. Транскрипция фу-линь [ИУ 30: фу-линь PIU-LIEN] соответствует архаическому BÖRIN «волк» (Pritsak O. 1955, S. 52, 53, 94) при стационарном древнетюркском [ИУ 31] фу-ли (PIU-LJIE BÖRI) «волк». Сходными знаками записал летописец имя Фули/*Бори малого предводителя-хуньми древних усуней, происхождение которых связывалось с мифической прародительницей-волчицей (Бань Гу 1958, с. 1169 (л. 76)). Слово фули/бори «волк» отмечено и в языке племени хэлянь. По мнению В. Банга, это слово «не может быть объяснено с помощью тюркологических средств», оно имеет индоиранские прототипы. Бори — эвфемированное обозначение волка, подлинное «древнетюркское» название которого считалось сакральным и было табуировано. Усунский генеалогический миф зарегистрирован в преданиях о происхождении туцзюе-тюрков (Зуев Ю.А. 1960, с. 123). Правящая коалиция Первого Тюркского каганата считалась династией Волчицы (Ли Фан 1959, т. 3, с. 2364), символом которой являлось знамя с изображением волчьей головы в позолоте над ставкой-ордой кагана; ордынские лейб-гвардейцы последнего также назывались фули/бори — якобы в память о происхождении от волчицы (Линху Дэфэнь 1958, с. 425 (л. 46)). Традиция присвоения «волчьего» имени каганам имеет свою историю. В 572 г. Таспар-каган назначил своего младшего брата Жу-даня предводителем западного улуса и дал ему имя-титул [ИУ 32] Бу-ли (B'UO-LJIE) — Бори-каган (Ли Яньшоу 1958, с. 425 (л. 46)). В 629 г. был известен «военный

предводитель обособленного улуса» Бори-шад (Були-шэ) (Лю Сюй 1958, с. 1436 (л. 16), а через непродолжительное время этим же званием обладал тюркский наместник в покорённом огузском племени си на восточных склонах Большого Хингана (Оуян Сю 1958, гл. 215а, с. 1501 (л. 8а). Сообщается, что младший брат западнотюркского Ашбара-Териш-кагана, Бори-шад (Боли-шэ), в 636 г. «охранял» зависимое тохарское государство Агни (Яньци, Карашар) (Лю Сюй 1958, гл. 194б, с. 1445 (л. 3б), а отцом западнотюркского Хэлу-кагана был *Эр-бори-шад-йакуй-тегин (И-були-шэ-егуй-тэлэ) (Лю Сюй 1958, с. 1446 (л. 4б). Бори-шадом (Булишэ) был сын марионеточного западнотюркского Бучжэнь-кагана, Хусрау (Хусэло), получивший ряд придворных чинов на танской службе, а впоследствии сам ставший каганом (Лю Сюй 1958, гл. 194б, с. 1447 (л. 71). В рассмотренных случаях прослеживается общая закономерность: титул бори «волк» был присущ определённой возрастной категории, он присваивался младшему брату царствующего кагана, будущему или возможному претенденту на каганский престол. В некотором роде он символизировал прохождение его носителем курса военной и захватнической («волчьей») академии перед грядущим правлением всем государством. С другой стороны, эта закономерность отражала бытование матрилинейного порядка престолонаследования по принципу «старший брат — младший брат — племянник (сын первого брата)», зафиксированному в китайских документах и сформулированному (158/159)

в текстах древнетюркских надписей (Ктб 5). Иными словами, социовозрастной категорией бори поддерживалась и закреплялась берущая начало ещё в периоде до н.э. идея происхождения древних усуней и впоследствии туцзюе/тюрков от Праматери-Волчицы.

10(а). Транскрипция [ИУ 33] е-ху (YEP-HOU) соответствует йабгу древнетюркских надписей. Судя по тексту эпитафии Бильге-кагану (БК 28), носитель титула йабгу был вторым лицом после верховного правителя-кагана в древнетюркских государствах. Так же определяет этот титул Махмуд Кашгарский («место на две ступени ниже хакана») (Махмуд Кошгарий 1960, т. 3, с. 39; ср.: Golden P. 1980, P. 188-190).

10(б). Среди высших титулов рангом ниже второго правителя-йабгу в Первом Тюркском каганате отмечен не встречающийся более ни в одном документе [ИУ 35] и-каган (и < YWI; ср. др.-тюрк. EV «дом», EV «юрта», «помещение») в значении «каган дома», «домашний каган». Лю Маоцай реконструирует звучание ÄV-YWI в виде *тюрк.* ÄV «дом»), а всю фразу читает: «Случалось также, что большие семьи, остававшиеся дома, т.е. не имеющие должностей, называли друг друга и-кэхань. Туцзюе комнату (или дом) называли и.» Титул, следовательно, значил «каган комнаты (или дома)». В китайском тексте нет слов «большие семьи, остававшиеся дома, т.е. не имеющие должностей», которые вроде бы оправдывают своего рода ссылку или домашний арест некоего изгоя и его пребывание в физическом помещении; такое толкование неприемлемо. Иной перевод даёт В.С.Таскин: «... и имеются представители крупных фамилий, живущие дома, которые называют друг друга и-кэхань (каган). Туцзюэсы называют дом и, и это название означает «каган дома»». Далее, приведя для транскрипционного знака и еще одно чтение, юй, и сопоставив последнее с *тюрк.* ÜJ «дом», он продолжает: «Отсюда и-кэхань надо читать юй-кэхань, что означает «каган дома», т.е. повелитель только своего дома или семьи» (Таскин В.С. 1984, с. 305, 306). Находясь в убеждении, что древние сюнну Центральной Азии были тюркоязычны, В.С.Таскин с этой же позиции рассматривает сюннские титулы шаньюй («уважаемый дом» или «почитаемый дом») и хуюй («охраняющий дом») (Таскин В.С. 1992, с. 11, 12). В сочетании **цзай цзя** (собственно, «находящийся в цзя») знак **цзя** «семья», «род», «дом (как семья)» употреблён в расширительном смысле: государство как **единая семья во главе с патриархом-императором**. Так, летом 176 г. до н.э. сюннский шаньюй, упоённый победами над юэчжи, усунь, хуцзе и другими объединениями, сообщал, что «все они стали сюннскими» (т.е. все вошли в государство Сюнну, поясняет Янь Шигу), «вошли в войско и в состав одной семьи-цзя». Поскольку подобные примеры хорошо известны и для танского времени, а сам «каган дома» сравнивается с такой значительной фигурой, как йабгу, толкование знака цзя в значении небольшой ячейки («семья») исключается. Это государство с входящими в его состав крупными племенами («большими фамилиями»). Применительно к ранним тюркам значение китайского слова **син** «фамилия» выявляется, например, при обращении к западнотюркскому материалу. Известное по руническим текстам обозначение Западнотюркского каганата **он ок** «десять стрел/племён» (Тон., 19, 30) китайские хронисты всегда переводили сочетанием ши-син «десять фамилий». Несмотря на известную подвижность кочевнической «фамилии-племени», в данное понятие включалось представление не только об этносоциальном коллективе, но и о занимаемой им территории. Это особенно проявилось в процессе районирования западнотюркских земель в 657-659

гг. В уйгурском княжестве Кочо (Турфан) земли, занятые знатным племенем юрюнг-арслан, назывались **дудаг**: «Что касается дудаг, то по-китайски это большой дом» (Кэ Шаоминь 1933, гл. 29, л. 76), — говорится в летописи.

Ещё из истории древней Месопотамии известно, что, к примеру, область проживания халдеев делилась на **племенные территории-«дома»**. Каждый «дом» жил под руководством вождя, который нередко именовал себя «царём» (Оппенгейм А. 1990, с. 127). Так же выглядела ситуация в древнем Иране в период междоусобицы глазами тюркского историка Абу-л-Гази: «В то время в Иране не было настоящего государя: Кеюмерс умер, а Хушенга еще не провозгласили падишахом. Подобное время арабы называют мулук-ат-та-ва'иф; а смысл этого таков: в каждом иле (т.е. племени) свой правитель. Тюрки такое время называют «во главе дома (эв) черный (кара; простой) человек ханом становится, в каждом доме свой хан» (Кононов А.Н. 1958, стк. 417-423). Именно так обозначил Абу-л-Гази по- (159/160)

1	始	波	羅	2	莫	賀	弗	3	大	羅
便	4	哥	利	5	割	利	6	哥	利	達
官	7	賀	蘭	8	曷	刺	9	賀	臘	10
珂	羅	11	復	12	珂	羅	啜	13	哥	羅
14	索	葛	15	髮	16	鬚	17	娑	葛	18
吐	屯	19	匐	你	20	服	匿	21	熱	汗
22	熱	寒	23	安	禪	24	安	禪	25	肉
26	內	27	具	泥	28	舍	利	29	舍	利
吐	利	30	附	鄰	31	附	離	32	步	離
33	葉	護	34	翁	侯	35	遺	可	汗	

Иероглифический указатель

ложение и в государстве присырдарьинских йабгу в конце XI в., когда оно распалось на ряд мелких владений по племенному признаку (Кононов А.Н. 1958, стк. 1090, 1091; Агаджанов С.Г. 1969, с. 151-154). Арабское выражение мулук ат-тава'иф в этом контексте, по мнению А.Н. Кононова, значило «мелкий князёк» (Кононов А.Н. 1958, с. 90).

Титул *эв-каган* не имел отношения ни к комнате, помещению или моногамной семье, ни даже к патриархальной общине, как склонен был думать С.М. Абрамзон (Абрамзон С.М. 1973, с. 300, 301). Древнетюркское выражение *эвде баимайу* «стать во главе дома-эв», «предводительствовать в доме-эв» (Ктб, 48) почти трафаретно повторено Абу-л-Гази в цитированной фразе *эв башша кара хан* «во главе дома чёрный (т.е. простой, не великий и не главный) хан» с уточнением, что дом это иль (племя).

Тюркские государства всегда делились на ряд уделов, которые теперь в свете выявленных данных можно назвать «домами». В последней четверти VI в. одними только китайскими хронистами отмечено четыре кагана, правившие в одно и то же время в разных частях тюркского государства. В действительности их могло быть много больше. Можно поэтому заключить, что на заре тюркской истории, на которую и проецируется исследуемый фрагмент, титулом эв-каган обозначались предводители уделов-племенных территорий.

Литература

- Абаев В.И., 1958. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. М.-Л.
Абаев В.И., 1965. Скифо-европейские изоглоссы. М.
Абаев В.И., 1979. Скифо-сарматские наречия. // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.
Абрамзон С.М. 1973. Формы семьи у дотюркских и тюркских народов Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье. // Тюркологический сборник 1972. М.
Агаджанов С.Г. 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад. (160/161)
Бартольд В.В. 1964. Церемониал при дворе узбецких ханов в XVII веке. // Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М.
Гумилёв Л.Н. 1967. Древние тюрки. М.
Древнетюркский словарь. 1969. Л.: Наука.
Зуев Ю.А. 1960. Тамги лошадей из вассальных княжеств. // Труды ИИАЭ. Т. 8. Алма-Ата.
Зуев Ю.А. 1962. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам. // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата.
Кононов А.Н. 1958. Родословная туркмен. М.-Л.
Малаякин А.Г. 1989. Танские хроники. Новосибирск.
Махмуд Кашгарий, 1960. Туркий сузлар девони (Девону луготит турк). Т. 1, 3. Ташкент.
Нестеров С.П. 1990. Конь в культурах тюркоязычных племён Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск.
Оппенгейм А. 1990. Древняя Месопотамия. М.
Позднеев Д. 1899. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб.
Смирнова О.И. 1963. Каталог монет с городища Пенджикент. М.
Смирнова О.И. 1981. Очерки из истории Согда. М.
Таскин В.С. 1973. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М.
Таскин В.С. 1984. Материалы по истории кочевых племён группы дунху. М.
Таскин В.С. 1992. Материалы по истории кочевых племён в Китае III-V вв. Вып. III. Мужуны. М.
Щербак А.М. 1959. Огуз-наме. Мухаббат-наме.

На китайском языке:

- Бань Гу, 1958. Хань шу (История династии Хань). В сер. «Бо на». Пекин.
Вэй Чжэн, 1958. Суй шу (История династии Суй). В сер. «Бо на». Пекин.
Ду Ю. Тун дэнь (Свод общих установлений государственного управления). В сер. «Цзю Тун».
Кэ Шаоминь, 1933. Синь Юань ши (История дин. Юань. Новая редакция). В сер. «Цун шу цзи чэн». Шанхай.
Линху Дэфэнь, 1958. Чжой шу (История дин. Чжоу). В сер. «Бо на». Пекин.
Ли Фан, 1959. Тай-пин гуан цзи (Пространные записи, сделанные в период тай-пин син-го). Т. 3. Пекин.
Ли Цифу, 1957. Юань-хэ цзюнь сянь чжи (Описание областей и уездов периода Юань-хэ, 806-821 гг.). Шанхай.
Ли Яньшоу, 1958. Бэй ши (История Северных династий). В сер. «Бо на». Пекин.
Лю Сюй, 1958. Цзю Тан шу (История дин. Тан. Старая редакция). В сер. «Бо на». Пекин.
Оуян Сю, 1958. Синь Тан шу (История дин. Тан. Новая редакция). В сер. «Бо на». Пекин.
Тото, 1958. Ляо ши (История дин. Ляо). В сер. «Бо на». Пекин.
Юань Чжунмянь, 1958. Туцзюе цзи ши (Сборник материалов по истории туцзюе-тюрков). Т. 1, 2. Пекин.

Чжэн Цяо. Тун чжи (Общее описание).

На европейских языках:

Bazin L., 1950. Recherches sur les parlers t'o-pa // «T'oung pao». Vol. XXXI, livr. 1-4.

Drompp M.R., 1989. Supernumery sovereigns: superfluity and mutability in the elite power structure of the early turks (tu-jue) // Rulers from the steppe. Vol. II. Los Angeles.

Golden P., 1980. Khazar studies. An historico-philological inquiry into the origins of the khazars. Vol. II. Budapest.

Hirth F., 1899. Nachworte zur inschrift des Tonjukuk // «Alturkischen inschriften der Mongolei», z. f.

Karlgren B., 1957. Grammata serica recensa // Reprinted from the MEA, bulletin 29. Stockholm.

Lewicki M., 1949. Turcica et mongolica // «Rocznik orientali styczny». T. XV, 1939-1949. Krakow.

Liu Mau-tsa, 1958. Die chinesischen nachrichten zur geschichte der Ost-turken (t'u-kue). Bd. I-II. Wiesbaden.

Pelliot P., 1929. Neuf notes sur des questions d'Asie centrale // «T'oun pao». T.26.

Poucha P., 1956. Die geneime geschichte der Mongolen. Praha.

Pritsak O., 1955. Die sogenannte bulgarische furstenliste und die Sprache der Protobulgaren.

Wiesbaden.

Schaeder H.H., 1938. Ein verkannte aramaische proposition // «Orientalische literaturzeitung». Bd. 41.

Leipzig.

Jurjani, 1876. The Tabakat-i-nasiri. Transl. from persian by H.G. Raverty. Vol.2. London.